

0-782995

На правах рукописи

Голубкова Дарья Михайловна

**ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В.Г. СОРОКИНА
И ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ
В МАЛОЙ ПРОЗЕ**

Специальность 10.01.01. – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2010

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
филологического факультета РУДН

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор *Коваленко Александр Георгиевич*

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
Ничипоров Илья Борисович
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

кандидат филологических наук
Бугославская Ольга Витальевна
Литературный журнал «Знамя»

Ведущая организация:

Институт международного права и
экономики им. А.С. Грибоедова

Защита состоится 23 апреля 2010 года в 15.00
на заседании диссертационного совета Д 212.203.23
при Российском университете дружбы народов
по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 436.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном
библиотечном центре (Научная библиотека) Российского университета
дружбы народов по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6.

Автореферат размещен на сайте РУДН (www.rudn.ru)

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

Автореферат разослан 22 марта 2010 года

0000726984

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.203.23
кандидат филологических наук, доцент

А.Е. Базанова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Писатель Владимир Сорокин — известная фигура в современных литературных кругах. Кампании, развернутые против произведений писателя, привлекли к нему общественное внимание и создали ему громкое имя. Однако ажиотаж, создаваемый журналистами вокруг Сорокина, затрудняет адекватное восприятие и интерпретацию его творчества. Данная работа представляет собой попытку уйти от эмоционального и поверхностного восприятия и посмотреть на творчество Сорокина как на значительное и своеобразное явление современной литературы.

Творчество Владимира Сорокина охватывает достаточно протяженный промежуток времени (на сегодняшний момент более 20 лет), при том что публикация его произведений в России началась лишь в 1990 году. Еще до событий, принесших писателю известность, его произведения привлекали внимание критиков и исследователей литературы. Впоследствии этот интерес оказался подкреплен тем общественным резонансом, который получили судебные процессы и акции, направленные против писателя. При этом концепция творчества Сорокина, как она представлена в работах о современном литературном процессе, представляется неполной, а подчас нуждающейся в уточнениях и корректировке.

Актуальность данного исследования главным образом связана с тем, что творчество В.Г. Сорокина крайне сложно и требует вдумчивого и непредвзятого анализа. В диссертации предпринимается попытка исследования художественной системы писателя не только в постмодернистском, но также и в модернистском контексте, чрезвычайно важном для творческого метода В.Г. Сорокина.

Задача работы состоит в том, чтобы рассмотреть малую прозу В.Г. Сорокина в контексте модернистских и постмодернистских тенденций в современной русской литературе. В работе предпринят подробный монографический анализ трех произведений малой эпической формы, написанных в разные годы и позволяющих показать различные стороны модернистской картины мира, созданной писателем. В соответствующих параграфах работы показывается деконструкция образа соцреалистической идиллии в раннем рассказе «Сергей Андреевич», предпринимается попытка анализа образа тоталитарного мира, созданного в рассказе «Месяц в Дахау», а так же исследуются мифологемы советского быта в рассказе середины 2000-х годов «Кухня». Обращение к знаковым для Сорокина произведениям трех разных десятилетий (1980-х, 1990-х и 2000-х годов), четко выражающим его эстетические принципы в тот или иной период, позволяет хотя бы отчасти показать эволюцию, проделанную писателем, — от постмодернистского

мироощущения ко все более и более знаковым для его творчества последних лет модернистским тенденциям. При этом основное внимание уделяется анализу именно содержательной стороны произведений, предпринимается попытка показать авторскую позицию, выявить ее этические основания и художественные средства выражения.

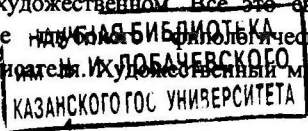
Конечно, без анализа самых современных произведений писателя картина исследования выглядела бы неполной. В связи с этим в диссертации уделено внимание двум последним произведениям В.Г. Сорокина - повести «День опричника» (2006) и циклу рассказов «Сахарный кремль» (2008).

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что рассказы В.Г. Сорокина исследуются в контексте современной версии модернизма, дается детальный анализ текстов этих рассказов, позволяющий по-новому, более адекватно проанализировать их содержание и элементы художественной формы. Основополагающей становится мысль о том, что творчество Сорокина не соответствует постмодернистским эстетическим принципам, а, напротив, соотносится с современной версией модернизма.

Методологической основой данного исследования являются теоретико-литературные и культурологические работы Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Делёза, Ж. Дерриды, А. Компаньона, И.П. Ильина, Б. Гройса, И.П. Смирнова, М.К. Рыклина, В.В. Бычкова, Б.М. Парамонова, Н.Б. Маньковской, В.Е. Хализева, Х. Ортеги-и-Гассета и других исследователей. В диссертации использовано сочетание теоретико-литературного и историко-литературного подходов, а также элементы структуралистского (нарратологического) и феноменологического анализа.

Практическая ценность данной диссертации состоит в том, что ее материалы могут быть включены в курс лекций и спецкурсы по истории новейшей русской литературы. Кроме того, данная работа может быть использована в теоретико-литературных и культурологических исследованиях, посвященных проблемам современного русского литературного процесса.

На основе проведенного обзора научных и литературно-критических работ, посвященных анализу творчества В.Г. Сорокина, можно сказать, что задача адекватного восприятия произведений этого писателя до сих пор не решена. Большинство критиков склонно воспринимать его тексты при помощи тех или иных литературоведческих штампов, игнорируя весьма сложное содержание интерпретируемых произведений и чаще всего неадекватно воспринимая их художественную форму. До сих пор проза В.Г. Сорокина чаще всего анализируется скорее в публицистическом контексте, чем в намного более адекватном литературно-художественном. Все это свидетельствует о необходимости намного более глубокого филологического прочтения литературных текстов данного писателя. Художественный мир В.Г. Сорокина

чрезвычайно сложен, в частности, это касается и его рассказов. Кроме того, обращение писателя к малой эпической форме отнюдь не случайно: жанр рассказа позволяет автору создать художественно завершенный мир в рамках одного сравнительно небольшого произведения. Вместе с тем малая проза В.Г. Сорокина весьма репрезентативно отражает особенности его художественного мышления, творческой манеры, образно-метафорического языка. Рассказы В.Г. Сорокина являются отражением всего его творчества, поэтому данная диссертация, посвященная анализу малой прозы В.Г. Сорокина, фактически показывает основные особенности всей совокупности его художественных текстов. В центре диссертации – монографический анализ рассказов писателя, в которых проявились наиболее репрезентативно черты его эстетики.

Апробация работы прошла на межвузовской конференции «Личность в межкультурном пространстве», которая проводилась 24-25 ноября 2006 г. (доклад «Роман В. Сорокина «Роман»»), а также в ходе педагогической практики со студентами филологического факультета РУДН.

Структура работы. Диссертация состоит из *введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.*

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность и новизна темы диссертации, определяются ее предмет, объект, цели и основные задачи. Автор характеризует методологию исследования, степень разработанности темы, выявляет ее научное и практическое значение, дает обзор источников и литературы.

В первой главе «Эстетическая концепция В.Г. Сорокина в контексте теории постмодернизма» предпринята попытка исследования теоретических основ постмодернизма, используя западноевропейские и русские источники, а также отражения этих теорий в творчестве В.Г. Сорокина.

В параграфе 1.1 **«Теоретические основы постмодернистского художественного сознания»** описываются концепции, возникшие в конце 1960–1970-х гг. во Франции. Опираясь на статьи исследователей Юлии Кристевой «Бахтин, слово, диалог и роман» (1967), Ролана Барта «Смерть автора» 1968, Дерриды «О грамматологии», Ж. Делеза «Платон и симулякр» и др., автор работы вводит понятия, заложившие основу постмодернистской концепции. Речь идет о таких понятиях, как интертекстуальность, мозаика цитаций, смерть автора, появление вместо него скриптора, и, как результат, рождение читателя. Также для понимания постмодернистской теории важны такие понятия, как логоцентризм, деконструкция и симулякр.

В параграфе 1.2. «**Концепции русского постмодернизма**» описываются специфические особенности процесса становления такого явления, как русский постмодернизм. Исследуются такие понятия, как соц-арт, концептуализм, а также такое понятие, как «постмодернизм без берегов».

В параграфе 1.3. «**Эстетика русского модернизма**» уделено внимание творчеству современных писателей-модернистов, таких, как Т.Толстая, П. Крусанов и В. Сорокин, которые, используя постмодернистские художественные приемы, разрабатывают в своем творчестве новую версию модернизма, существенно отличающуюся от традиционной и обогащенную постмодернистским опытом, преодолевают релятивистские крайности постмодернистской типизации, откликаясь на вызовы современной эпохи.

В параграфе 1.4. «**Художественные принципы В.Г.Сорокина в контексте модернистской и постмодернистской поэтики**» анализируются особенности творческого метода В.Г.Сорокина, совмещающего в себе элементы модернизма, реализма и постмодернизма.

В.Г.Сорокин в своих рассказах соединяет элементы модернистской, постмодернистской и реалистической художественных систем, однако при этом безусловно доминирующим оказывается модернистское начало. В.Г.Сорокин, как и многие современные писатели (Т.Ю.Кибиров, Т.Н.Толстая, П.В.Крусанов, А.В.Королев и другие), тяготеет к новой, сугубо современной версии модернизма, отражающей все основные культурно-психологические и художественно-интеллектуальные тенденции современного мира и потому вбирающей в себя некоторые постмодернистские элементы (при явном доминировании модернистского начала). В.Г.Сорокин отказывается от релятивистского абсурда, характерного для творчества «ортодоксальных постмодернистов» (Д.А.Пригова и В.О.Пелевина), поскольку это ведет к тотальному обесмысливанию текста и «мира как текста». Напротив, писатель стремится в своем творчестве, и, в частности, в своих рассказах, по-новому, очень глубоко и современно осмыслить самые важные события XX столетия. И прежде всего это относится к феномену тоталитаризма. В то же время В.Г.Сорокин безусловно разделяет этическое и эстетическое начала, очень ярко и художественно убедительно демонстрируя, что самые чудовищные бытийные явления (такие, как, например, сталинский или гитлеровский тоталитаризм) могут в то же самое время быть эстетически привлекательными. Такое восприятие страшного опыта XX столетия позволяет взглянуть на него стереоскопически, воспринять сам феномен тоталитаризма амбивалентно-неоднозначно, при этом не оправдывая его в этическом плане. «Чисто эстетическое» восхищение попытками воплощения в жизнь «тоталитарного художественного проекта» позволяет В.Г.Сорокину передать глубинную

неоднозначность и трагизм воссоздаваемой им эпохи, одновременно и чудовищной, и величественно-грандиозной.

Вместе с тем художественные средства, которыми пользуется писатель, очень необычны. С одной стороны, В.Г. Сорокин создает заведомо «нереальный» художественный мир, который сам автор склонен воспринимать лишь как «буквы на бумаге». С другой же стороны, писатель сознательно стремится к созданию *иллюзии жизнеподобия*, «телесной конкретности», создаваемых им (и, с точки зрения автора, совершенно «нереальных») словесных образов. Поэтому «телесная конкретность» этих образов оказывается лишь сугубо литературной фикцией.

При создании своих произведений В.Г. Сорокин использует сложнейшую систему реализованных метафор, которые связаны с бытийной реальностью не прямо, а лишь опосредованно. Писатель «реалистически конкретным» образом описывает события, которые были бы совершенно невозможны в реальной жизни, однако эти шокирующие неподготовленного читателя «события» являются всего лишь реализованными метафорами, фактически отсылающими нас не к бытийной реальности как таковой, а к тем или иным *речевым структурам*, которые, в свою очередь, отсылают нас к *реальной бытийной проблематике*. В своих рассказах писатель обращается к важнейшим проблемам, возникшим перед человечеством в XX веке, однако автор чаще всего выражает свое отношение к этим проблемам не «реалистически прямолинейно», а лишь опосредованно, используя для этого сложнейшую систему реализованных метафор, которые позволяют через обращение к конвенционально-условной стихии человеческой речи воссоздать трагически страшную и прекрасную картину мира XX столетия. «Псевдореальная» система образов в рассказах В.Г. Сорокина не уводит читателя от подлинных жизненных проблем, а напротив, заставляет воспринять их с еще большей отчетливостью и остротой.

Феномен тоталитаризма, который В.Г. Сорокин склонен воспринимать не идеологически, а по преимуществу эстетически, является предметом особого художественного внимания писателя. «Чисто эстетический» взгляд на тоталитарный мир дает возможность воспринимать его как своеобразное *произведение искусства*, созданное по единому проекту и потому отличающееся художественной целостностью. По мнению В.Г. Сорокина, тоталитарный мир, представляющий собой художественно законченную эстетическую систему, по-своему совершенен, и потому красив. Писатель заморожен красотой и целостностью тоталитарного космоса. Но вместе с тем В.Г. Сорокин ни в малейшей степени не скрывает, настолько этот тоталитарный мир на бытийном уровне ужасен, бесчеловечен, чудовищен...

Таким образом, в главе I предпринимается попытка показать, что в основе постмодернизма как художественно-эстетической системы лежит представление о релятивистской бессмысленности всех без исключения текстов, а также «мира как текста». Любой текст, согласно постмодернистским представлениям, можно и должно интерпретировать самым произвольным образом, приписывая ему какой угодно смысл, поскольку никакого «истинного» значения, согласно постмодернистским представлениям, попросту нет. Любой намек на существование какой бы то ни было смысловой целостности воспринимается сторонниками постмодернизма как «ересь» и как утверждение «тоталитарного» начала. Именно на этом, в частности, основана и постмодернистская концепция «смерти автора», на место которого приходит «читатель», произвольно приписывающий всем без исключения текстам абсолютно любые семантические значения. При этом тексты самих теоретиков постмодернизма фактически предлагается читать и воспринимать вполне «традиционным» способом, не подвергая их обесмысливающей деконструкции, поскольку в противном случае мы не смогли бы воспринять ту самую содержащуюся в них постмодернистскую идеологию, которая фактически «обязывает» нас к «непониманию» семантического значения любых текстов и человеческой речи вообще. Постмодернистская теория отрицает сама себя, смысл текстов, провозглашающих релятивистские «истины» постмодернизма.

Широкое распространение постмодернистского учения в современном мире связано прежде всего с тем, что оно во многом согласуется с весьма распространенной в наше время либеральной версией антропоцентризма. Если каждый человек воспринимается как «аксиологический центр мира», неизбежный конфликт между бесчисленным множеством этих перцептивно-аксиологических «центров мира» «снимается» при помощи релятивистски абсурдной постмодернистской мифологемы, которая навязывает нам тотальное обесмысливание и принципиальное уравнивание всех без исключения точек зрения, тем самым создавая иллюзию бесконфликтного либерального псевдопримирения между ними. Именно это свойство постмодернистской теории принесло ей популярность во всем западном мире.

В СССР пропостмодернистские тенденции возникли в принципиально иной культурно-политической ситуации, резко отличающейся от западной. В условиях жесткого диктата советской тоталитарной идеологии релятивистская аксиология воспринималась либеральной интеллигенцией 1960-х гг. как путь к освобождению от всевластного тоталитарного монолога, навязывающего всем и вся «единственно правильную» официальную точку зрения. Советская либеральная интеллигенция увидела в релятивистском абсурде путь к освобождению от тоталитарного рабства.

Позже, в 1970–1980-е гг., в СССР возникает литература, которую можно в точном смысле этого слова называть постмодернистской. Она связана прежде всего с именами Д.А. Пригова и В.О. Пелевина. В произведениях этих писателей, в точном соответствии с постмодернистским канонам, самым настойчивым образом утверждаются идеи о принципиальной релятивистской бессмысленности любого текста и «мира как текста».

Вместе с тем в среде «постмодернистской критики» получила широкое распространение концепция «постмодернизма без берегов». Ее возникновение связано с тем, что не только постмодернистски ориентированные критики, но и некоторые филологи-литературоведы поспешили «записать» в ряды постмодернистов как можно большее количество современных писателей. Делалось это часто несмотря на резкие протесты тех самых авторов, которых, вопреки их собственной воле, объявили сторонниками постмодернизма... Подлинно научный филологический подход требует отказа от вульгаризаторски «расширенного» представления о постмодернизме и введения его в совершенно конкретные теоретико-литературные «границы».

Следует учитывать, что далеко не все писатели, на которых в той или иной мере оказало влияние постмодернистское мышление, пошли по пути «ортодоксального постмодернизма». Некоторые современные русские писатели, такие, как В.Г. Сорокин, Т.Ю. Кибиров, Т.Н. Толстая, П.В. Крусанов, А.В. Королев и некоторые другие, стали использовать в своих произведениях лишь *отдельные элементы*, характерные для постмодернистской эстетической системы. В целом же эти писатели, отказываясь от тотальной релятивистской бессмыслицы, фактически создали новую, современную версию модернизма, включающую в себя некоторые элементы, характерные для постмодернистского мышления, но в целом непостмодернистскую. Важно отметить, что и в эстетическом, и в онтологическом плане позиция этих писателей представляется куда более перспективной, чем позиция «ортодоксальных» постмодернистов.

Одним из таких писателей является и В.Г. Сорокин, творческое мышление которого в высшей степени оригинально и необычно. С одной стороны, В.Г. Сорокин изображает в своих произведениях заведомо «нереальный» художественный мир, который сам писатель склонен воспринимать как «буквы на бумаге». С другой же стороны, В.Г. Сорокин сознательно стремится к созданию иллюзии жизнеподобия, «телесной конкретности», создаваемых им (и, с точки зрения автора, совершенно «нереальных») образов. Поэтому на буквальном уровне «телесная конкретность» этих образов оказывается сугубо литературной фикцией. Однако при создании своих произведений В.Г. Сорокин использует сложную систему реализованных метафор, которые все-таки связаны с бытийной реальностью, но

не прямо, а лишь опосредованно. Писатель «реалистически конкретным» образом описывает события совершенно невозможные в реальной жизни, однако эти шокирующие неподготовленного читателя «события» являются всего лишь реализованными метафорами, фактически отсылающими нас не к бытийной реальности как таковой, а к тем или иным *речевым структурам*, которые, в свою очередь, уже отсылают нас к *реальной бытийной проблематике*. Таким образом, художественное мышление В.Г. Сорокина глубочайшим образом метафорично, а чересчур «буквальное» прочтение его произведений неизбежно ведет к их неадекватному восприятию. Только проникнув в сложную систему реализованных метафор, характерную для творческой манеры В.Г. Сорокина, мы можем воспринять подлинный смысл его произведений.

В главе II «Антиномия этического и эстетического в рассказах В.Г. Сорокина» предпринимается попытка продемонстрировать особенности творческого метода В.Г. Сорокина на примерах его рассказов, относящихся к разным периодам творчества писателя.

В параграфе 2.1. **«Соцреалистическая идиллия и ее художественное восприятие в рассказе «Сергей Андреевич»** анализируется рассказ В.Г. Сорокина, относящийся к 80-м годам XX века.

В рассказе «Сергей Андреевич» В.Г. Сорокин, изображая банальную, псевдогармоничную картину мира, воплощающую нестерпимо-слащавую соцреалистическую идиллию, провоцирует у читателя желание ее разрушить, а затем писатель сам и осуществляет это «разрушение», прибегая к системе реализованных метафор. При всем шокирующем характере изображения копрофагии в финале рассказа, этот сугубо метафорический мотив выражает авторское *нравственное неприятие советской системы воспитания*, калечащей еще не сформировавшиеся детские души. Вся сугубо советская, пошлотривиальная система мышления «идеального» школьного учителя есть чудовищное убожество и мерзость.

В финале рассказа «Сергей Андреевич» на фоне разрушенной соцреалистической идиллии открывается совершенно иная картина мира, возвышенно-зловещая и эстетически привлекательная. Финал этого произведения, совсем не вписывающийся в слащавый соцреалистический дискурс, приобщает читателя к подлинной красоте и тем самым производит ощущение освобождения, приобщения к чему-то очень страшному, но *подлинному*.

В параграфе 2.2. **Этика тоталитаризма в рассказе «Месяц в Дахау»** предпринимается попытка подробного анализа данного рассказа.

В рассказе «Месяц в Дахау» В.Г. Сорокин показывает, насколько эстетически привлекательным может быть тот самый тоталитарный мир, где

совершаются чудовищные злодеяния... Писатель обращается к эстетике оксюморона: из сочетания ужасающего и прекрасного рождается эстетический эффект очень большой выразительной силы. И именно этот контраст, это оксюморонное соединение, казалось бы, несоединимо полярных жизненных явлений, в свою очередь, осмысливается как эстетически прекрасное, и это потрясает воображение читателя, завораживает его, заставляет еще более пристально вглядываться в изображаемое, в этот чудовищно-прекрасный тоталитарный космос.

Попытка принять систему ценностей нацистского тоталитарного мира приводят героя «Месяца в Дахау» к чудовищной духовной деградации, к необходимости принять своеобразную национал-социалистическую «религию сатанизма». Но в последний момент главный герой отказывается от «райского» существования и счастья с любимой женщиной, ощущая этическую и психологическую невозможность вхождения в только что открывшийся перед ним «нацистский рай», который основан на мучении и гибели великого множества ни в чем повинных людей. Неразрешимый конфликт между героем и окружающим его изысканно-красивым и абсолютно чудовищным тоталитарным миром оказывается настолько глобальным и всеохватным, что придает финалу этого рассказа подлинно трагическое звучание.

В параграфе 2.3. «**Ностальгический миф о советском быте конца 1970-х гг. в рассказе «Кухня»** исследуется произведение В.Г. Сорокина, написанное в 2005 году. В последние годы в творчестве В.Г. Сорокина намечилось некоторое изменение стратегии, связанное с попытками писателя перейти от экспериментов в сфере художественной формы к обретению новой содержательности. Если в раннем своем творчестве В.Г. Сорокин был склонен (по крайней мере, на теоретическом уровне) абсолютизировать значимость формальной стороны своих произведений, то со временем писатель все больше внимания уделяет содержательной стороне собственных текстов: «Я попрощался с концептуализмом. Мне хотелось двигаться в сторону нового содержания, а не формы текста»¹. Не случайно в своей статье «Mea Culpa?» В.Г. Сорокин подчеркивал: «Авторы <...>, как правило, меняются во времени и пишут совсем не то, что двадцать лет назад»². Существенно и то, что в последних произведениях В.Г. Сорокина уже гораздо меньше или почти нет шокирующих мотивов.

Новая творческая манера писателя проявилась, в частности, и в рассказе «Кухня», вошедшем в сборник В.Г. Сорокина «4» (2005).

¹ Сорокин В.Г. Прощай, концептуализм! / Беседу вел А. Неверов // Итоги. 2002. № 11. С. 49.

² Сорокин В.Г. Mea culpa? : я недостаточно извращен для подобных экспериментов // Соколов, Б.В. Моя книга о Владимире Сорокине. С. 198.

В этом произведении проявилась новая творческая манера В.Г. Сорокина, отражается амбивалентно-неоднозначное отношение писателя к советскому образу жизни, и, прежде всего к советскому быту. Своеобразное двойное зрение (психологические точки зрения маленького мальчика и взрослого присутствуют здесь одновременно), на котором основано восприятие предметов в этом рассказе, позволяет, несмотря на все материальное и культурно-идеологическое убожество советского мира, увидеть и то *хорошее*, которое все же присутствовало в нем. Сердечная теплота, пронизывающая весь художественный мир этого рассказа, очевидно, очень дорога его автору. Финал рассказа, заставляющий острейшим образом осознать невозвратимость причудливого мира детства и непреодолимость барьеров времени, с еще большей остротой заставляет ощутить чувство ностальгии по навсегда ушедшему в небытие миру «советской кухонной идиллии».

Глава III «**Образ тоталитарного мира в жанре антиутопии**» (повесть «**День опричника**» и цикл «**Сахарный кремль**») посвящена двум на данный момент последним опубликованным произведениям писателя.

Владимир Сорокин – писатель постоянно ищущий и обновляющийся. Свидетельством тому стали две его последние повести, составившие своеобразную дилогию, – «День опричника» (2006) и «Сахарный кремль» (2008). В них находят дальнейшее развитие тенденции, ставшие предметом осмысления в настоящей работе, и в первую очередь – образ тоталитарного мира, который теперь разрабатывается в жанре антиутопии.

Действие повести «День опричника» разворачивается в 2028 году и представляет собой один день из жизни опричника Андрея Даниловича Комяги. В России восстановлена монархия, в белокаменных палатах Кремля, как раньше, располагаются хоромы великого государя и государыни. Известное здание на Лубянке принадлежит Тайному приказу, а на площади перед ним красуется памятник грозному Малюте, Григорию Лукьяновичу Скуратову-Бельскому. Опричники новой России – те же самые опричники, что появились при Иване Грозном.

Почему же такое странное и так мало просуществовавшее явление, как опричнина, вновь оживает на страницах современного текста? Сам автор говорит о том, что опричнина – часть русской метафизики, которая никогда и не покидала Россию, еще недавно её тень мы видели в сталинских репрессиях. Именно она виновница кровавых событий в России: смут, революций и войн. Опричнина всегда стояла рядом с властью, как невидимый ангел-хранитель, и, как показывает Сорокин, так и остается охранять новую. «Эта идея

пропитывает все наше общество, живет в головах больших и маленьких чиновников»³, – говорит писатель в одном из интервью.

Тоталитарное сознание всегда было интересно Сорокину, и в этом смысле повесть «День опричника» не столько открывает эту тему, сколько, наоборот, продолжает и развивает, поскольку истоки тоталитаризма XX века он видит как раз во времена правления Ивана Грозного, в частности, в появлении опричнины. Вот как Сорокин отвечает на вопрос, почему тоталитаризм так ему интересен: «Потому что он, как редкое и ядовитое растение. Тоталитаризм расцветает раз в тысячу лет; он очень экзотичен и опасен, а потому его лучше рассматривать из-за стекла. Тоталитаризм явление из ряда вон выходящее: десятки миллионов людей внезапно становятся одержимы одной и той же идеей, можно сказать, начинают жить вместе. В человеческой истории это происходит крайне редко. Поэтому данный феномен интересует меня как писателя и как социолога, хотя покончить с ним очень тяжело. Для этого необходимо изменить менталитет»⁴.

Россия в «Дне опричника» изображена во вневременном пласте, Сорокин создает некое мифологическое пространство. Сам писатель называет эту повесть «лубочной», и в этом лубке и заключено представление писателя о власти. У читателя «Дня опричника» возникает ощущение, что во все времена власть, пусть даже держащаяся в разных руках, несет один и тот же смысл, заложенный с самого основания Московского государства – «находиться вне права и над ним»⁵. В народном же сознании вера в доброго царя была непоколебима, зато мысль, что «все народные беды идут от чиновников, которые обманывают государя и искажают его волю»⁶ до сих пор живут в сознании людей. Об этом стереотипе отношений между народом и власть имущими несомненно много размышляет Сорокин в повести «День опричника», описывающей один день жизни человека, наделенного сверхполномочиями и возможностями.

«Чем уникальна наша жизнь в России? У каждого из нас есть один метафизический вопрос: что нас ждет? И у каждого, черт, возьми, есть на это ответ! Мы только и занимаемся, что гадаем по любому поводу на тему будущего России. Это говорит о том, что оно по-настоящему непредсказуемо. В этом уникальность нашей страны. Моя книга – одно из подобных гаданий. Я дал себе возможность смоделировать некую ситуацию: если Россия решит

³ Сорокин В.Г. Мой "День опричника" – это купание авторского красного коня / Беседу вела Софья Широкова // Известия. 2006. 25 августа.

⁴ Сорокин В.Г. Тоталитаризм — растение экзотическое и ядовитое, крайне редкое и опасное [Электронный ресурс] / ИноСМИ.Ru. 2002; беседу вели П. Бонз и Р. Фернандес. Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/print/159243.html>

⁵ Сергеева А.В. «Русские. Стереотипы поведения. Традиции. Ментальность», С. 164.

⁶ Там же, С. 165.

построить Великую Стену и отгородиться от западного мира, погрузившись в себя»⁷ – слова автора в очередной раз подтверждают все сказанное выше.

В 2008 году в свет вышла новая книга Владимира Сорокина "Сахарный Кремль" – сборник рассказов, живописующих мир недалекого российского будущего. Действие рассказов происходит в далеком 2028 году. Обращение к будущему не случайно. Сам автор говорит о том, что этот литературный прием – способ взглянуть на жизнь России как бы со стороны. «... «День опричника» и «Сахарный кремль» – не только размышления о будущем, но и экскурс в прошлое. Тогда была создана вертикаль власти: та самая, которая над нами всеми, как столб темного, спертго воздуха, висит и довлеет. <.....> Это разговор о России, а будущее – площадка для установки прибора наблюдения. Мне удобнее разглядывать Россию из 2028 года»⁸.

В "Сахарный Кремль" – антиутопию в рассказах Владимира Сорокина – переключались герои и реалии романа "День опричника". Здесь тот же сюрреализм и едкая сатира, фантасмагория, сквозь которую просвечивают узнаваемые приметы современной российской действительности. В продолжение темы автор детализировал уклад России будущего, где топят печи в многоэтажках, строят кирпичную стену, отгораживаясь от врагов внутренних, ходят по улицам юродивые и калики перехожие, а в домах терпимости девки в сарафанах и кокошниках встречают дорогих гостей.

Рассказы объединяет общая стилистика. «Сахарный Кремль» вслед за предшествующей повестью рисует Россию изолированной от остального мира тоталитарной православной Империей со своим Тайным сыском и Опричниной. Опричники и уже знакомый читателю Комяга также эпизодически появляются на страницах новой книги. В одном из интервью на вопрос, является ли «Сахарный кремль» продолжением «Дня опричника», В.Г. Сорокин ответил: «И да, и нет. Я бы сказал, что это разговор на ту же тему, но с другой интонацией. Если "День опричника" – это монолог главного героя, то "Сахарный Кремль" – это хор голосов, говорящих на ту же тему. Обе книги – это попытка выделить экстракт российской власти и попробовать его на вкус»⁹.

Все рассказы читаются как единое произведение. Автор не случайно и не впервые обращается к жанру антиутопии. Антиутопические тексты часто определяют формулой «книга-предостережение». Сам Сорокин в другом интервью на эту тему сказал следующее: «Когда я писал "День опричника", это во многом было поиском метафоры для современной России. С другой

⁷ Сорокин В.Г. Мой "День опричника" – это купание авторского красного коня / Беседу вела Софья Широкова // Известия. 2006. 25 августа.

⁸ Сорокин В.Г. Это сладкое слово «Кремль». [Электронный ресурс]; /Беседу вел А.Долин. режим доступа: <http://newtimes.ru/articles/detail/3115/>

⁹ Сорокин В.Г. Опричнина – очень русское явление [Электронный ресурс] / Беседу вел Б.Соколов. Режим доступа <http://www.grani.ru/interview/sokolov5.shtml>. 16.04.2008

стороны, это был и шарж, и гротеск. И предостережение из этого получилось – об этом мне сказал один мой друг. Ты, говорит, написал такой как бы заговор, чтобы этого не случилось. Но к моменту написания "Сахарного Кремля" у меня появилось ощущение, что все это и вправду может быть, что путь, который выбирает Россия, может именно этим и кончиться. И первые читатели "Сахарного Кремля", видимо, это почувствовали: почти все они сказали, что это более страшная книга, чем "День опричника". Хотя она, может быть, не менее веселая¹⁰. Герои Сорокина, и правда, живут в довольно страшном мире. Из мелочей и частностей складывается пугающая картина. Оппозиции у строя по существу нет. Смутьянов быстро умирят, вовремя ловят, сажают и порют. А те, кто не пойман, решаются на что-то только в состоянии наркотического опьянения или во время кабацких попок. В общем-то, единственное, что нужно жителям новой империи, – это удовольствия, будь то секс, наркотик или сахарный кремль, который посасывают в каждом рассказе. Этот кондитерский сахарный кремль – основная художественная деталь, объединяющая все 15 рассказов сборника и придающая ему целостность.

Основная задача, которую ставил автор при написании сборника рассказов «Сахарный кремль», – воспроизвести некие надисторические константы русской истории, которые несут универсальный характер. Эта задача решается на нескольких уровнях.

В первую очередь, необходимо отметить конкретно-исторический или бытовой уровень. В произведении последние достижения прогресса совмещены с реалиями предшествующих эпох. Отключение лифтов по выходным в связи с экономическими соображениями, очереди, дефицит, – отсылают читателя к советскому периоду истории страны. При этом герои книги топят печь для обогрева и приготовления пищи как в 19 веке. Подобные реалии легко сосуществуют с новейшими техническими изобретениями. Домашний робот, который предугадывает каждое желание хозяина, может заменить горничную, повара и даже психотерапевта. Вместо бумажных носителей герои книги используют голограммы, которые возникают в любом месте по запросу. Подобных примеров можно обнаружить много, не говоря о привычных нам мобильных телефонах («мобило», которым пользуется Комяга, здесь называется более патриотично – «дальнеговорухой»).

Помимо конкретно-исторического, заслуживает внимания стилистический уровень. Автор еще раз демонстрирует свое виртуозное умение играть с разными литературными стилями. Древнерусская стилистика

¹⁰ Сорокин В.И. В России вполне бы ужились высокие технологии и телесные наказания на площадях [Электронный ресурс]; /Беседа вел К. Решетников. Режим доступа: <http://www.gzi.ru/culture/2008/08/06/223007.html> 06.08.2008

совмещается с советской. В рассказе «Кабак» мы видим стилизацию физиологического очерка.

В.Г. Сорокин обыгрывает множество концептов, сложившихся в разные времена русской истории, но не потерявших свою актуальность и носящих надвременный характер. Это и Кремль как олицетворение власти, опричник как человекоединица карательных органов, концепт внешнего и внутреннего врага. Помимо этого, во многих рассказах имеется отсылка к сталинским репрессиям.

На примере рассказа «Петрушка» можно более подробно проиллюстрировать все вышесказанное. Начинается рассказ с того, что «лилипут Петр Самуилович Борейко, служащий скоморохом в Кремлевской Потешной Палате, вернулся к себе домой после пятничного концерта для Внутреннего Кремлевского Круга в третьем часу пополуночи» (с. 151). Здесь видна стилизация под хронику, бытописание из советской жизни. Далее мы видим совмещение реалий, относящихся к разным эпохам (пластиковый ключ с трудом совмещается с исписанной дверью подъезда и отключенным на выходные лифтом).

Дома Петрушку встречает заботливый робот-домохозяйка Егорр. Это – еще одно достижение научно-технического прогресса. Егорр угощает усталого Петрушу водкой, наливает ему ванну, кормит ужином. Он способен вести примитивный диалог и великолепно предугадывает желания хозяина.

После ужина изрядно опьяневший Петрушка включает голограмму, на которой изображена его возлюбленная Ритуля. В небольшом рассказе фактически описывается вся биография шута-лилипута. Выясняется, что Ритуля отбывает наказание по делу кремлевских лилипутов. Таким образом Сорокин адресует читателя к конкретным моментам российской истории, актуализирует в читательском сознании память о репрессиях 30-х – 50-х гг. XX века.

Таким образом, и в повести «День опричника», и в цикле рассказов «Сахарный кремль» В.Сорокин продолжает осмысление в гротескно-фантастической форме природы тоталитаризма, – на сей раз используя традиции жанра антиутопии.

В заключении подводятся итоги работы, формулируются выводы и обобщения по ключевым проблемам изучаемой темы.

Результаты проведенного диссертационного исследования позволяют выделить следующие выводы.

В.Г. Сорокин в своих рассказах соединяет элементы модернисткой, постмодернистской и реалистической художественных систем, однако при этом безусловно доминирующим оказывается модернистское начало.

Художественные средства, которыми пользуется писатель, очень необычны. В.Г. Сорокин создает заведомо «нереальный» художественный мир,

однако при этом сознательно стремится к созданию иллюзии жизнеподобия создаваемых им словесных образов.

При создании своих произведений В.Г. Сорокин использует сложнейшую систему реализованных метафор, которые связаны с бытийной реальностью не прямо, а лишь опосредованно.

Предметом особого художественного внимания писателя оказывается феномен тоталитаризма, который В.Г. Сорокин склонен воспринимать не идеологически, а по преимуществу эстетически. При этом В.Г. Сорокин ни в малейшей степени не скрывает, настолько этот тоталитарный мир бесчеловечен на бытийном уровне.

По теме диссертации опубликовано 4 работы:

- 1) Голубкова Д.М. « День опричника» В. Сорокина – повесть о Москве // Вестник Российского университете дружбы народов. 2008. № 2. С. 20-26.
- 2) Голубкова Д.М. Своеобразие поэтики рассказов В.Г. Сорокина (в соавторстве с Голубковой В.П.) // Опыты: Сборник научных статей аспирантов и студентов. Вып. 3. – РУДН, 2008. С. 42-47.
- 3) Голубкова Д.М. Художественное переосмысление соцреалистической идилии в рассказе «Сергей Андреевич» // Опыты: Сборник научных статей аспирантов и студентов. Вып. 3. – РУДН, 2008. С. 48-53.
- 4) Голубкова Д.М. Роман В. Сорокина «Роман» // Личность в межкультурном пространстве: Материалы межвузовской конференции. 24-25 ноября 2006 г. – М., РУДН, 2007. С. 28-34.

Голубкова Дарья Михайловна (Россия)
Эстетическая концепция В.Г. Сорокина и ее художественное отражение
в малой прозе

Диссертация посвящена изучению малой прозы В.Г. Сорокина, относящейся к разным периодам его творческой биографии. На примере рассказов писателя предпринимается попытка анализа его необычного творческого метода, сочетающего элементы модернизма и постмодернизма. Также уделяется внимание восприятию автором советского прошлого и феномена тоталитаризма.

Golubkova Daria Mikhaylovna (Russia)
The esthetic position of V.Sorokine and its reflection in short stories
by this writer

The thesis is devoted to the analysis of the short stories by Vladimir Sorokine relating to different periods of his biography. On the example of these short stories we try to analyse the peculiarity of the author's writing manner which combines the elements of modernism and postmodernism. We also pay attention to writer's attitude to the soviet history and to the phenomenon of totalitarysm.

Подписано в печать: 22.03.2010

Заказ № 3422 Тираж - 100 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru

